

Ю.А.Нисневич

ПРОБЛЕМЫ ТРАНЗИТА В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В политической науке термин «транзит» обозначает синоним процесса «перехода» развивающихся государств к современному уровню развития. А что такое «современный уровень развития» и правильно ли вообще оценивать процесс постиндустриального развития цивилизации в рамках достаточно статичной уровневой модели?

Постоянно нарастающая со второй половины XX века динамизация процессов трансформации всего спектра отношений в социуме позволяет говорить уже не столь о новом, современном уровне развития цивилизации, сколь о формировании нового пути ее развития, а еще точнее – нового динамично трансформирующегося коридора траекторий постиндустриального развития. В данном случае уместно говорить именно о пространственном коридоре постиндустриального развития, так как лежащие в нем собственные траектории развития отдельных государств, совпадающие в основополагающих трендах и образующие в этом смысле единый поток, не являются абсолютно идентичными в силу различий специфических для каждого государства связей и институционального строения социальных полей, нормативистики, политико-культурных стереотипов, базовых технологий конкуренции и власти, способов политического обеспечения интеграции социума.

Этот современный путь развития человеческой цивилизации С.Юшенков достаточно обосновано предлагает определять как постзападный, как «путь (на который человечество фактически уже вступило), представляющий собой сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера»¹.

На наш взгляд, начавшийся переход на новый постзападный путь цивилизационного развития предопределили феномены, проявившиеся во второй половине XX века как результат индустриального развития.

В политической идеологии доминирующие позиции занял либерализм, который как система политических целей воплотился в реальной жизни индустриально развитых, прежде всего западных стран. При этом он все более стал приобретать характер не столько четкой политической программы, сколько мироощущения, мировоззрения, смысловых ориентаций более общего характера, в котором на первый план выходят его обобщенные идеалы и культурные принципы – права и свободы личности, правовое равенство и высокая политическая ответственность граждан, свобода частной собственности, договорная природа государства, конституционализм, религиозная веротерпимость, плюрализм и конкуренция. Эти основополагающие ценности либерализма обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии, существенно повлияли на философские установки социал-демократии. Исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили Ф.Фукуяме предположить, что «то, чему мы, вероятно, свидетели, - не просто конец холодной войны или периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления»². В этом смысле «конец истории» может рассматриваться как некая идеальная цель постзападного развития цивилизации, суть которой в универсализации государств, воплощающих в регулировании жизнедеятельности социума принципы либеральной идеологии и потому способных решить все фундаментальные проблемы человечества.

Закрепление демократии как основополагающей формы организации политической жизни и существенное повышение в результате

индустриального развития уровня материального благосостояния населения в развитых странах породило феномен, который Х.Ортега-и-Гассет назвал «восстание масс», особо акцентируя внимание на тех угрозах, которые этот феномен таит для породившей его демократии и поступательного развития цивилизации, но и отдавая ему должное как исторически обусловленному предвестнику кардинальных изменений в развитии цивилизации – «восстание масс может предвещать переход к новой, еще неведомой организации человечества; может и привести к катастрофе»³.

Транзитологический смысл этого явления, порожденного либеральной демократией и индустриализацией, состоит в том, что огромные социальные массы получили доступ практически ко всем достижениям цивилизации, политические права и свободы, принципиально новые, более комфортные условия жизни и широкие возможности индивидуального выбора. На этой основе началась коренная трансформация связей в социуме, разрушение его классовой структуры, сословных перегородок, изменение положения групп и индивидов по отношению к власти и доминирующим фактором политического и социально-экономического развития стал средний слой общества со всеми его достоинствами и недостатками. В морально-нравственном аспекте цивилизационного развития ключевым является то, что суверенитет любого индивида, человека как такового перестал быть абстрактным идеалом, отвлеченной правовой идеей, а стал осознанным жизненным принципом для широких социальных слоев.

При этом, как постоянно подчеркивает в своей работе Х.Ортега-и-Гассет, произошел подъем исторического уровня, огромный рост жизненных возможностей, жизненной потенции человеческой цивилизации. Огромная масса социальной энергии вырвалась на поверхность, но, не являясь еще достаточно упорядоченной в целях поступательного цивилизационного развития, она несет большой как созидательный, так и разрушительный потенциал, делая жизнь более живой, напряженной, насыщенной, но и более проблематичной.

Одна из таких проблем в поле политики, существенно значимая как для государств уже вступивших на путь постзападного развития, так и для переходных, к которым относится и Россия, состоит в то, что при переходе власти в обществе к широким социальным массам начали проявляться не столько дефекты демократии как формы организации политической жизни, сколько дефекты, связанные с абсолютизацией ее избирательного принципа и партийного механизма, о чем М.Острогорский писал еще в начале прошлого века⁴. По его мнению, которое подтверждается мировой практикой политических трансформаций XX века, действенность избирательного принципа в политическом управлении существенно ограничена и ошибочным является утверждения о том, что чем шире применяется избирательный способ в государственной организации, тем больше свободы. Слишком разветвленная избирательная система является лишь чисто формальным атрибутом демократии и фактически приводит к тому, что народ вместо усиления своей власти ее распыляет и в конечном счете теряет. Партийный механизм, основанный на ограниченном числе традиционных партий с партийными программами, являющимися «верой, облеченной, подобно церковной вере, санкцией правоверности и иноверия», и стандартными построениями организационных структур, детально исследованными М.Дюверже⁵, особенно при двухпартийной системе, перестает эффективно выполнять функцию политического посредника между обществом и властью. Партийные организации, как отмечает М.Острогорский, бюрократизируются и «соединяются с государством с сомнительной пользой для общественного блага и в ущерб элементарным принципам, регулирующим взаимоотношения между государством и гражданами». Включение в партийный механизм избирательного принципа не ослабляет указанные недостатки, а лишь усиливает их, маскируя под демократическими принципами реакционные тенденции.

Абсолютизация избирательного принципа и огосударствление партийного механизма предоставляют правящим элитам широкие

возможности для манипулирования волеизъявлением граждан и общественным мнением, создают благоприятную почву для использования ими административного принуждения под прикрытием демократии.

Другая существенная проблема, обусловленная «восстанием масс» - падение культурного и нравственного уровня населения, следствием чего является эрозия либеральных установлений и принципов. Распространение массовой культуры невысокого морально-нравственного и эстетического уровня и вульгаризация политического сознания являются негативными последствиями в целом положительной цивилизационной тенденции выравнивание прав, материального благосостояния, культуры, классов, полов.

Возникновение реального сплава западных и восточных ценностей не только в теоретических разработках ученых, в идеологических воззрениях политических элит, но и в повседневной жизни простых людей, во многом, связано с резким повышением «миграционной мобильности человечества», предоставленной индустриальными транспортными технологиями возможностью быстро перемещать практически в любую точку планеты сырьевые, энергетические, финансовые и иные материальные ресурсы, но, прежде всего, конкретного человека. Существенная часть населения многих как индустриально развитых, так и переходных стран получила возможность не через опосредованные другими людьми знания и информацию, а непосредственно через свои органы чувств познавать и рефлексивно оценивать иной, чем их собственный образ жизни, иные системы морально-нравственных ценностей, иное мировоззрение и вероисповедание, культуру, исторические обычаи и традиции, различные подходы к организации политической и хозяйственной деятельности, государства и общества.

Результатом повышения миграционной мобильности и либерализации миграционной политики стало появление практически во всех индустриально развитых странах постоянно расширяющихся диаспор представителей других континентов и стран, этнических, национально-культурных и

религиозных групп, постепенное, хотя и достаточно трудное вхождение отдельных представителей таких диаспор в политические и иные элиты их новых стран обитания. Процесс взаимного проникновения Запада и Востока, Севера и Юга, естественно не безмятежный, а сопряженный с возникновением новых противоречий и конфликтных зон в социуме, получил таким образом возможность своей практической реализации на самом массовом и устойчивом уровне - уровне межличностных общений и отношений.

Начинающееся выравнивание стран и континентов, усиление их взаимопроникновения создает условия для того, чтобы каждый индивидуум, каждый средний человек получил практическую возможность принимать участие в жизни всей планеты.

По оценкам многих российских и зарубежных ученых доминирующую роль в наметившихся тенденциях постзападного развития цивилизации сыграл феномен происходящей в конце XX – начале XXI века информационной революции, рассматриваемой А.Тоффлером в его концепции «трех волн» в качестве последней в ряду трех великих технологических революций (аграрная, индустриальная, информационная)⁶.

Результатом этой революции становится вступление человечества в эпоху информационной цивилизации, постепенный переход к новому типу социальной организации человеческой жизнедеятельности – информационному обществу.⁷ Как отмечает Р.Абдеев «информация превращается в глобальный, в принципе неисчерпаемый ресурс человечества, вступившего в новую эпоху развития цивилизации – эпоху интенсивного освоения этого ресурса и «неслыханных возможностей» феномена управления»⁸.

Формирующееся постзападное общество имеет информационную природу, поскольку оно в целом базируется на комплексном, многостороннем знании и свободном распространении посредством сетевой информационно-коммуникативной инфраструктуры связанной с ним

синергетической информации. Его можно определить как общество, в котором экономическое развитие, социальные изменения, качество и образ жизни в решающей мере зависят от использования научного знания, способа эксплуатации информации и характера информационно-коммуникативных процессов и основу которого по терминологии, предложенной М.Кастельсом⁹, составляют новая информационная экономика и новая культура реальной виртуальности. Сетевая логика этого общества, этой экономики и этой культуры определяет начинающиеся трансформации общественных отношений и социальных институтов ставшего существенно более взаимосвязанным мира.

Активное и эффективное использование практически неограниченных информационных ресурсов и внедрение постоянно совершенствующихся информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума позволяет получить существенную экономию других видов ресурсов (сырья, энергии, полезных ископаемых, материалов и оборудования, людских ресурсов, социального времени) не только в индустриально развитых, но и переходных странах, может существенно содействовать решению глобальных проблем человечества и, прежде всего, связанных с необходимостью преодоления кризисных явлений, поиска ответов на глобальные вызовы.

При этом качественные изменения происходят и в системе представительства гражданских интересов, формах и стиле государственного управления, в соотношении различных типов власти в обществе, означающие постепенный, но неуклонный выход на первый план именно информационной власти, обретающей приоритетное значение по сравнению с административными, политическими, экономическими и другими разновидностями регулирования социальных процессов.

Автор концепции коммуникативной рациональности Ю.Хабермарс в принципе относит политику к сфере коммуникаций и выделяет в современном обществе два типа власти: коммуникационную власть и

административно применяемую власть¹⁰. Формирование национальных информационно-коммуникативных инфраструктур сетевого типа и их объединение их в единую мировую инфраструктуру объективно усиливает влияние на процессы развития социума независимой информационной (коммуникационной) власти, которая не только обслуживает и организует общество и политическую власть, но и как любое новое цивилизационное явление, предопределяющее качественные трансформации социальных отношений, таит в себе определенные угрозы.

К таким угрозам следует в первую очередь отнести существенное расширение возможностей нарушений права на частную жизнь, включая личную и семейную тайны, политического манипулирования общественным мнением и монополизации средств и систем массового информирования и коммуникаций такими ресурсно обеспеченными акторами информационного рынка, как государство и элитные, национальные и транснациональные корпоративные группы, столкновения политических и экономических интересов которых способны спровоцировать национальные и трансграничные «информационные войны».

Основное направление противодействия этим угрозам информационной безопасности личности, общества, государства и мирового сообщества в целом в условиях правового государства лежит в сфере законодательной регламентации особой группы однородных общественных отношений – информационных отношений, концептуальной основой которой должен стать перевод естественного и неотчуждаемого права человека и гражданина на информацию в систему позитивного права с учетом необходимости обеспечения информационной защиты частной жизни.

Законодательная либерализация информационного рынка на основе его дерегуляции и гибкого контроля за концентрацией собственности, обеспечивающая конкурентное развитие множества различных производителей информации и информационных услуг, и возможность практической реализации свободы выбора и доступа потребителей к

разнообразным источникам информации являются не только наиболее эффективным способом противодействия монополизации массового информирования и коммуникативных контактов, попыткам чрезмерного контроля власти над информационными потоками, но и повышают защищенность от манипулятивного информирования со стороны различных агентов информационного рынка.

Манипулирование массовой информацией представляет собой один из наиболее серьезных вызовов постиндустриальной цивилизации, с которым человечество только начинает сталкиваться. Использование манипулятивных технологий информирования различными агентами информационного рынка и, прежде всего, элитными группами в борьбе за политическую и экономическую власть в принципе способно дестабилизировать даже самые устойчивые социально-политические системы демократического типа и качественно деформировать морально-нравственные устои и идеалы любого общества. Сложность организации эффективного противодействия этому вызову заключается в том, что его генезис лежит как в форме представления, так и, что самое главное, в самом содержании информации, предоставляемой массовому пользователю.

Законодательное регулирование и контроль содержания информационных сообщений является крайне противоречивой и сложной юридической проблемой. Тем не менее, законодательное ужесточение ответственности за предоставление недостоверной, неэтичной, заведомо ложной информации, диффамацию и сокрытие общественно значимой информации, основным источником которой является государство, наряду с множественностью независимых источников и распространителей массовой информации способно в определенной степени противостоять использованию манипулятивных информационных технологий. В этом ряду может быть использована и такая мера как законодательный запрет на массовое распространение анонимной информации, т.е. информации, которую нельзя идентифицировать по ее источнику. Возможно анонимные информационные

сообщения и сообщения, содержащие преднамеренно искаженную информацию, целесообразно в правовом аспекте интерпретировать как «информационный вирус» и использовать законодательные меры борьбы с этим явлением, аналогичные используемым для борьбы с «компьютерным вирусом». Учитывая существенную специфику правоприменительной практики в информационной сфере, действенной мерой может стать и введение такой новой судебной инстанции, как специальные информационные суды или суды по информационным спорам.

В данном случае вполне преднамеренно были более детально рассмотрены вызовы, обусловленные доминирующим влиянием на постиндустриальное развитие цивилизации информационного фактора, и возможные меры противодействия этим вызовам, так как в ближайшие годы информационное общество станет объективной реальностью для индустриально развитых стран, а для других, прежде всего переходных, содержащих и иные траектории социального и политического движения – ориентиром развития.

В силу исторически обусловленной неоднородности пространственных и темпоральных свойств поля политики особенно в планетарном масштабе указанные выше феномены проявлялись и проявляются на разных континентах и в разных странах естественно не одновременно и с различными национально-страновыми особенностями, раньше и более интенсивно на Западе, чем на Востоке, на Севере, чем на Юге.

Неразрывно связанную в единое целое систему граничных условий пространственного коридора постзападного развития, ограничивающую его гибкую оболочку определяют такие системообразующие цивилизационные факторы, как либеральные морально-нравственные принципы и идеалы, основанные на приоритете прав и свобод личности; экономическая деятельность, основанная на праве частной собственности, либерализации и глобализации (интернационализации) рыночных отношений, инновационно-конкурендном содружестве акторов социально и экологически

ориентированного рынка; политическая система демократического типа, способствующая свободному развитию гражданского общества и формированию государственной власти, ориентированной на оказание услуг населению; открытое информационное пространство, в котором посредством сетевой информационно-коммуникативной инфраструктуры обеспечивается свобода массового обмена информацией и массовых коммуникаций, включая трансграничные.

Если правящий в государстве политический режим не обеспечивает практическую, а не декларируемую реализацию хотя бы одного из перечисленных системообразующих факторов, то траектория развития такого государства как совокупность процессов трансформаций общественных отношений, не вписывается в коридор постзападного цивилизационного развития. И если в данном случае уместна аналогия с природными явлениями, то развитие такого государства можно уподобить речке, протекающей по засушливой местности под постоянной угрозой пересыхания, в то время как рядом несется полноводное океаническое течение магистрального развития человеческой цивилизации.

На наш взгляд задачу транзита переходных государств, желающих занять достойное место в мировом сообществе, следует рассматривать как задачу формирования такой траектории трансформаций связей в социуме, которая обеспечивает оптимальное с учетом национально-страновой специфики вхождение в коридор постзападного цивилизационного развития. Под оптимальностью в данном случае следует понимать то, что должно обеспечиваться не только вхождение в этот коридор, но одновременно и попадание в динамично изменяющуюся область конкурентно-инновационного сотрудничества государств, лидирующих на пути постзападного развития. Последнее условие оптимальности обусловлено тем, что скорости постзападного развития настолько высоки, что отставание от лидирующей группы, даже уже находясь внутри коридора, преодолеть чрезвычайно сложно.

В современных условиях траектории транзита переходных государств формируются под воздействием совокупного влияния таких наиболее значимых мега-тенденций как традиционализм, модернизм и постмодернизм, который в рассматриваемом контексте соответствует направлению постзападного развития цивилизации, характеризующегося в качестве одного из ключевых критериев доминирование в общественных отношениях укладов и структур, базирующихся на использовании передовых информационных технологий.

Если использовать существенно упрощенную геометрическую интерпретацию задачи формирования траектории транзита переходного государства, то формирование такой траектории происходит в пространстве, направляющие, условно взаимно перпендикулярные векторы которого соответствуют трем указанным мега-тенденциям. При этом осью пространственного коридора постзападного цивилизационного развития является соответствующий направляющий вектор, условно ортогональный плоскости «традиционализм – модернизм».

Выход индустриально развитых государств на путь постзападного развития в исторически обусловленной последовательности можно рассматривать как выполнение двух «плоских» поворотов: сначала в плоскости «традиционализм – модернизм» при отсутствии мега-тенденции постмодерна, а затем в плоскости «модернизм – постмодернизм». Задача транзита переходных государств представляется более комплексной, так как в современных условиях одновременного действия всех трех мега-тенденций его оптимальная в указанном выше понимании траектория принципиально должна формироваться как пространственная, что существенно усложняет способы политического управления транзитом и конфигурацию власти, способной его реализовать в таком виде.

Здесь, на наш взгляд, уместно остановиться на проблеме догоняющего развития или догоняющей цивилизации, которую в контексте российской истории Е.Гайдар определил как возможный ответ на европейский вызов,

суть которого в попытке «перенимать не структуры, воспроизводящие экономический рост, а только его результаты, идя при этом «своим путем»; опереться на силу Московского государства, хорошо прищипорить покорное общество, выжать из него как можно больше ресурсов, используя государственные структуры для экономического скачка, для преодоления отставания»¹¹. В контексте выхода на постзападный путь развития такая цивилизация не представляется даже догоняющей, так как она и не предполагает обеспечение ни отдельно, ни тем более в совокупности его системообразующих идеологических, экономических, политических и информационных факторов, в результате чего траектория ее развития будет всегда располагаться вне постзападного цивилизационного коридора.

В контексте перехода к постзападной цивилизации к типу догоняющих, на наш взгляд, следует относить развитие, предполагающее в основном повторение пути пройденного индустриально развитыми странами, то есть последовательную реализацию преобразований от традиционализма к модернизму и лишь затем преобразований, обеспечивающих выход на постзападный путь. Такая траектория, очевидно, не будет близка к оптимальной, так как всегда будет иметь место существенное отставание от лидирующих на этом пути государств, даже несмотря на возможности резкой динамизации процессов транзита в современных условиях.

Естественно, предлагаемая геометрическая интерпретация является предельно упрощенной и схематичной, но она, на наш взгляд, позволяет достаточно наглядно представить и ощутить масштабность и сложность решения задачи выхода на постзападный путь развития, стоящей перед переходными странами.

Рассматривая практики трансформаций переходных стран через призму мега-тенденций на примере российского транзита, А.Соловьев отмечает,¹² что подобные преобразования не должны и не могут руководствоваться одной лишь логикой модернизации, т.е. целенаправленного преодоления традиционализма и осуществления

преобразований в духе неважно какой «стагнирующей», «рецидивирующей» или «продвинутой» модели. Стратегия транзита переходных стран в условиях постиндустриального развития цивилизации должна неизменно включать критерии, ориентирующие социум на политические и экономические порядки нового, постепенно становящегося доминирующим типа социальной организации – информационного общества.

¹ См.: Юшенков С.Н. Постзападная цивилизация – путь для России и всего человечества //Демократический Выбор. – 2001. - №31(263).

² Фукуяма Ф. Конец истории? //Вопросы философии. – 1990. - №3. – с.134.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс //Вопросы философии. – 1989. - №3 - с.146.

⁴ См.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М., 1997.

⁵ См.: Дюверже М. Политические партии. М., 2000.

⁶ См.: Toffler A. The third wave. N.-Y.: Morrow, 1980.

⁷ См.: Martin W.J. The information Society. L., 1988; Castells M. Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I-III. Oxford, 1996-1998; Моисеев Н.Н. Информационное общество как этап новейшей истории //Межотраслевая информационная служба. – 1995. - №4 и другие.

⁸ Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. – с.7.

⁹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.

¹⁰ См.: Habermas J. Theorie des kommunikativen Handels. Fr./M., 1981.

¹¹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. – с.52

¹² См.: Соловьев А.И. Мега-тенденции российской политики //Власть. – 2000. - №8.